

Константин Большаков на военной службе: Еще раз о проблеме

© 2019, Н.А. Богомолов

Аннотация: Сообщение представляет собой уточняющий комментарий к заключительной части воспоминаний В.И. Мозалевского «Тропинки, пути, встречи». Комментарий касается русского поэта и прозаика Константина Аристарховича Большакова (1895–1938) и подробностей, связанных с его поступлением на военную службу. С опорой на неопубликованные архивные материалы, в частности письма к С.П. Боброву и к Алексею Алексеевичу Боровому (1875–1935), уточняется ряд фактов из биографии Большакова, относящихся к периоду, когда, как традиционно утверждается в исследовательской литературе на основании известных автобиографий Большакова и его романа «Маршал сто пятого дня», он оставил Московский университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище. Автор статьи устанавливает, что в действительности Большаков был направлен в Чугуевское военное училище (Харьковская губ.), которое вскоре покинул. Первое свидетельство о его пребывании на военной службе в действующей армии, согласно разысканиям, результаты которых представлены в статье, относятся не к 1915, а к декабрю 1916 г. Восстанавливая по переписке дальнейшую биографию Большакова, автор приходит к выводу, существенно корректирующему сложившуюся репутацию «храброго кавалериста», лишь в конце 1916 г. попавшего в армию, но продолжавшего вести преимущественно гражданский образ жизни вдали от фронтов.

Ключевые слова: комментарий, В.И. Мозалевский, воспоминания, К.А. Большаков, военная служба

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Цитирование: *Богомолов Н.А.* Константин Большаков на военной службе: Еще раз о проблеме // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 412–420. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-412-420

В № 3 (13) «Литературного факта» А.Л. Соболев опубликовал заключительную часть воспоминаний В.И. Мозалевского «Тропинки, пути, встречи». Воспоминания довольно беглые и далеко не всегда точные, поэтому комментарии тут необходимы. Однако комментатор всегда в значительной степени вынужденно опирается на разыскания других авторов, которые, в свою очередь, могут быть неточны. Одному из таких примечаний (а заодно и тексту, к которому оно сделано) мы и посвящаем данную заметку.

Вот что пишет Мозалевский о Константине Большакове: «Войной был призван в кавалерию. Кавалерия пришлась ему по сердцу, и, как то узнал я позднее, воюя, изучил он и историю кавалерийских полков, сражался по-настоящему, как сражались и художник Якулов Г.Б., поэт Гумилев, был награжден орденами. С 1918 года он был в Красной Армии, снова в родной ему кавалерии, занимал командные должности»¹. К этому пассажиру следует примечание: «Как следует из автобиографии 1928 г., Большаков добровольно оставил университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище, после чего в 1915 г. оказался в действующей армии (см.: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 309). См. также: *Богомолов Н.А.* Предисловие // *Большаков К.* Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М., 1991. С. 6–13». Поскольку нам на долю выпало окончательно запутать комментатора, нам этот далеко не простой узел и распутывать. Дойти до конца не удалось и на этот раз, однако на данный момент все разыскания зашли в тупик, потому попытаемся четко обозначить границы нашего знания и незнания.

В Рукописном отделе ГЛМ хранятся сразу три автобиографии Большакова, и во всех его поведение в годы войны описано практически одинаково. В первой: «В 1915 году бросил университет и поступил в военное училище. С этого приблизительно момента обрывается работа и “бытие” в литературе, сменяясь почти непрерывной семилетней военной службой. За царской армией непосредственно следовала Красная, демобилизация постигла меня, двадцатипятилетнего начальника штаба приморской крепости “Севастополь” только в 1922 году»². Во второй кратко: «...Универ-

¹ *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // *Литературный факт.* 2019. № 3 (13). С. 97–98.

² ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 1.

ситета <...> не кончил, война увела очень далеко...»³ И, наконец, подробнее всего — в третьей: «Война не всколыхнула литературного болота, эстетический снобизм тогдашних литературных кружков опротивел до тошноты. <...> Бросил университет и поступил в военное училище. Работу и бытие в литературе сменила армия: сначала царская, потом Красная»⁴. Сперва Ю.М. Гельперин, а потом и мы опирались именно на эти сведения. Откуда взялось именно Николаевское кавалерийское училище, прославленное тем, что когда-то в нем, именовавшемся Школой гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, учился Лермонтов? Да из романа самого Большакова «Маршал сто пятого дня»: именно там проходит курс военных и околовоеенных наук главный герой, несущий в себе много биографических черт автора.

У нас нет точных сведений о том, что делал Большаков в 1915 г., но можно вполне основательно утверждать, что в армии он в это время не служил. Об этом свидетельствуют все дальнейшие материалы. Более чем сомнительна и учеба в Петрограде, даже если предположить, что из училища его исключили, подобно его герою. Но 1916 г. мы знаем с достаточной степенью детализированности.

30 января этого года в Москве И.Н. Розанов заносит в дневник: «Конст. Большаков — ни одного слова его не слышал. Он был всё с А.И. Ходасевича. Я его не узнал. Видел у Фрейберг несколько лет назад, он еще был гимназистом. Теперь он показался мне сильно вытянувшимся и грузнее»⁵.

Тут, вероятно, нужно пояснение: как показывают недавно опубликованные нами письма Большакова к А.И. Ходасевичу⁶, между ними был серьезный роман, что, однако, не мешало Большакову поддразнивать ее, намекая на собственную бисексуальность и возможность романов иного рода. 8 марта 1916 г. он пишет ей из Петрограда, но уже 14 марта выступает на вечере молодых поэтов в Политехническом музее⁷. 18 апреля он пишет А.И. Ходасевич: «С воинской повинностью, к сожалению, всё выяснится на той неде-

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 4. Опул.: Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. 2-е изд. М., 1928. С. 61.

⁵ ОР РГБ. Ф. 653. Карг. 3. Ед. хр. 18. Л. 89об.–90. Опул. в ст.: *Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923)* // *Russian Literature*. 2016. № 83–84. С. 220.

⁶ *Богомолов Н. Константин Большаков и война. Приложение 1* // *Русский авангард и война*. Белград, 2014. С. 97–102.

⁷ Дневник И.Н. Розанова // ОР РГБ. Ф. 653. Карг. 3. Ед. хр. 18. Л. 113. Опул.: *Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова...*

ле окончательно». Дух этой фразы как-то не вяжется с воинственным настроением, который Большаков, по его словам, испытывал.

Казалось, что развязка наступила 8 мая, когда всё тот же Розанов записал в дневнике: «Поздно приехала Ан<на> Ив<ановна>, которая провожала сестру в СПб и “Костю Большакова” в Чугуев, поступает в Юнкер<ское> училище. Она была расстроена...»⁸

Накануне, 7 мая Большаков пишет С.П. Боброву: «Завтра меня отправляют в г. Чугуев Харьковской губ. (Чугуевское Воен<ное> Училище, юнкеру etc.)»⁹. Тут, конечно, есть дополнительная нота разочарования: вместо прославленного кавалерийского училища он должен оказаться в заурядном пехотном и, судя по всему, на ускоренных курсах. 10 мая он пишет Ходасевичам с дороги, из Харькова. Письмо грустное, но не идущее ни в какое сравнение с написанным уже одной Анне Ивановне 15 мая из Чугуева: «Милая, я говорю как раз не про то, чего здесь у меня совершенно <нет>, т.е. свободного времени, а про то, что отчаянье, безграничное, всепоглощающее отчаяние выветрило во мне, кажется, всё. Мне странно подумать, что на свете есть люди, которые могут писать стихи, читать их, одобрять или нет. Мне странно подумать, что можно еще на что-то надеяться, о чем-то мечтать. Впрочем, зачем я пишу тебе всё это. Ты в Москве, ты счастлива, увлекаешься кем-то, кто-то тобой, — какое тебе теперь дело до меня, уже вычеркнутого из списков жизни нарядной и настоящей». Как нетрудно понять, «нарядная и настоящая» жизнь — та самая, которую он потом, в советские времена, назовет литературным болотом и эстетическим снобизмом.

Однако выносить тяготы воинской службы пришлось недолго. 18 мая он извещал Боброва из Харькова: «Милый С.П., спешу известить Вас с дороги, что благополучно и навсегда покинул Чугуев»¹⁰. 9 и 12 июня он из Москвы пишет последние два из известных нам писем этого времени к Анне Ивановне, и дальнейшую информацию мы получаем из писем к А.А. Боровому.

Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — в прошлом приват-доцент Московского университета, видный анархист. В 1914 г. сотрудничал с газетой «Новь», где организовал страницу «Граурное ура» с участием Большакова¹¹. С тех пор они, видимо, подружились, а в годы войны эта дружба имела для Большакова и практический смысл: Боровой служил в армии, но местом службы была Москва, где

⁸ Там же. Л. 123об. Оpubл. там же.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Фрагменты из воспоминаний, относящиеся к этому эпизоду, см.: *Боровой А.А. Моя жизнь* / Публ. С.В. Шумихина // Московский журнал. 2010. № 10. С. 36–37.

он занимался проблемами призыва, что для Большакова было актуально. Так, 11 августа он извещал своего корреспондента: «...после Генеральн<ого> госпиталя, как это ни странно, имею трехмесячный по болезни отпуск (до 13 окт<ября>)»¹². Правда, 9 сентября он написал: «Скоро, очевидно, замарширую куда-то, куда — и сам не знаю. Возиться с какими-либо устройствами слишком скучно»¹³. Но тогда опасения оказались напрасны, он по-прежнему оставался в Москве. 11 октября его спрашивал Б.Л. Пастернак: «Говорят, Вы кончили военное училище и служите теперь»¹⁴. В примечаниях говорится о Тверском кавалерийском училище, но, как мы видим, Большаков и в эти дни находится в Москве.

Собственно говоря, первое свидетельство о том, что Большаков в армии, мы обнаруживаем в письме к Боровому от 31 декабря 1916 г., написанном на Курском вокзале по пути в Нижний Новгород. Для нас важен самый факт его написания и, стало быть, фиксации места, где находится Большаков. Пояснение отыскивается в следующем письме, от 6 января 1917 г. из Нижнего Новгорода: «Тогда на вокзале, торопясь и отрываясь почти каждую минуту вопросами новобранцев, которых мне препоручили у воинского, я пытался более или менее высказать Вам то, что хотелось. <...> На том основании, что я старый солдат, гоняют и требуют раз в десять больше, и изнервничался, и чувствую <себя> физически плохо предельно. <...> В среду мне будет комиссия, но в случае неблагоприятного для меня исхода мне уже обещаны 8 час<ов> винтовки. <...> Мой адрес: Н. Новгород. I подготов<ительный> учебн<ый> батальон».

19 января Большаков пишет Боровому еще из Нижнего Новгорода, жалуясь на условия жизни, но потом следует большой хронологический перенос, и 4 июня он шлет ему же письмо из Петергофа. Отсюда выясняется, что он проезжал через Москву, виделся с Боровым, получил от него какой-то литературный заказ, но никаких подробностей мы не знаем и отследить не можем.

Через три недели он снова в Москве, и снова мы не знаем, в каком качестве. 26 июня 1917 г. Большаков пишет Боровому: «Мой полк по приказу команд<ующего> войсками должен выступить только в августе, маршевых рот и отдельн<ых> отправок нет и не будет.

¹² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 2–3. Возможно, неким уточнением (которого мы пока не понимаем) являются слова из письма от 31 декабря 1916 г.: «Поверьте также, что Ваш визит ко мне в Уздовский <?> госпиталь никогда, никогда не забудется мною, как <одно> из самых дорогих и радостных моему сердцу воспоминаний» (Там же. Л. 6–7).

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. VII. С. 265.

А записаться в ударн<ый> бат<альон> тысяча препятствий». Правда, буквально следом поясняется, что это за препятствия: «...во-первых, большая довольно работа, которую взвалил на меня Жорж Якулов, укотивший на днях в Петроград и связавший еще более тем, что кроме поручений оставил нектор<ые> обществен<ные> суммы. А во-вторых — мои до сих пор еще не возвращались из Судака, и уезжать, не повидавшись с ними, было бы слишком тяжело».

Ни в какой ударный батальон Большаков не отправился, а стал секретарем (с № 4) журнала «Путь освобождения», органа совета солдатских депутатов. Об этом свидетельствуют не только сами номера, но и письма к М.А. Кузмину, которого он зовет принимать участие в журнале. Кузмин устранился¹⁵.

Затем опять хронологический провал на месяцы и дни решающих событий 1917 г. Мы знаем лишь открытку к Боровому от 17 декабря этого года, но она весьма выразительна: «...получили ли Вы мое письмо отсюда? Думаю, что да, и потому знаете о моих злоключениях после октября. Житие в Пятигорске для меня нелепо с какой угодно стороны, и остается для самого непонятным даже по сию пору. Что в Москве, почему оттуда и как туда? — Не знаю и едва ли узнаю скоро, т.к. из писем, которые получаю, решительно не могу ничего понять». Попробуем представить декабрь 1917 г., московские события ноября месяца — и, пожалуй, должны будем сделать вывод о том, что Большаков активно противостоял большевистским попыткам захвата города и вынужден был бежать в Пятигорск, в санаторию д-ра Гуревича.

Наше голословное пока что утверждение поддерживается одной из публикаций Большакова весны 1918 г. Но сперва нужно сказать, что он появляется в Москве не в середине 1919 г., как это фиксирует хроника (и то с оговоркой, что он был объявлен среди выступавших, но действительно ли принимал участие в вечере, неизвестно), а значительно раньше: 8 (21) мая 1918 г. появляется его первая публикация в газете «Жизнь», главным редактором которой является всё тот же Боровой, — стихотворение «Любовь». С этого времени он становится постоянным автором газеты. Как сам он писал в автобиографии, «после 17 года поэтические грехи: в газете “Жизнь” М. 1918 года №№ 41, 22, 23». Однако там печатались не только стихи, но и проза. На этом фоне очерк «Ландскнехты»¹⁶ вполне отчетливо

¹⁵ См. письма Большакова к нему от 26 августа и 13 сентября 1917 г. из Москвы (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 123).

¹⁶ Жизнь (Москва). 1918. № 35, 6 июня (24 мая). С. 3. Перепеч.: Константин Большаков и война. Приложение 2.

читается как признание в симпатиях к старой армии и к ее лучшим представителям.

Ушел ли Большаков на фронт в составе Красной армии? 12 декабря 1918 г. он пишет Боровому из Москвы, и из письма становится ясно, что он где-то служит, и это явно не армейская служба.

Осталось договорить совсем немного. Почти два года мы ничего не знаем о жизни Большакова. Ни в 1919, ни в первые 11 месяцев 1920 г. он не оставляет следов, или, по крайней мере, мы этих следов не отыскивали. Только 11 декабря 1920 г. он пишет Боровому из Харькова: «В воскресенье я заходил к Вам, но Вы были нездоровы, а в дальнейшем я с такой стремительностью выбирался из Москвы, что даже с самыми дорогими друзьями приходится прощаться лишь посредством открыток». Что вынудило его стремительно выбираться из Москвы? К сожалению, мы не знаем. Знаем, что 22 декабря 1920 г. он пишет ему из Севастополя, оставляя на письме обратный адрес: «Севастополь. Штаб Морск<ой> Крепости. Ревизору-инструктору Штаба К.А.Б.». Это его постоянное назначение. Нам не удалось обнаружить в РГВА каких бы то ни было содержательных документов, относящихся к комендатуре крепости Севастополь, тем более сколько-нибудь подробных — по личному составу. Так что мы даже не можем определить, был ли он военным или вольнонаемным. Тут отметим, что и иными способами получить какую-либо информацию в плохо упорядоченных документах этого архива нам не удалось, а от попыток отыскать следы нижнего чина Большакова в других архивах мы отказались, не рассчитывая на фиксацию столь незначительных личностей в архивах 1916–1917 гг.

Последнее известное нам письмо этого времени (всё к тому же Боровому) датировано: «14/X-22. Севастополь», обратного адреса нет. Кем был тогда Большаков, нам неизвестно. Действительно ли начальником штаба? Кем-то еще? Увы.

Отдавая себе отчет, что поиски пока что нельзя считать законченными и следы Большакова вполне могут быть найдены в государственных архивах и частных собраниях, мы в то же время предлагаем исходить из совсем других положений, нежели мемуарист, с цитаты из которого мы начали заметку, и другие исследователи (в том числе дезавуируя собственные разыскания более раннего времени).

Вместо доблестного воина сначала Первой мировой войны, затем войны гражданской (на стороне красных), храброго кавалериста и в конце концов заметного командира мы видим деятельного уклониста, лишь в конце 1916 г. попавшего в армию, но осевшего вдали от фронтов и ведшего преимущественно гражданский образ жизни.

Во всяком случае, так было до конца 1918 г. Потом, возможно, он на самом деле оказался где-то в действующей армии, но ровно никакой информации об этом мы не имеем, почему склонны следовать максиме: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?»

Литература

Богомолов Н. Константин Большаков и война. Приложение 1 // Русский авангард и война. Белград: Издательство филологического факультета Белградского университета, 2014. С. 97–102.

Богомолов Н.А. Предисловие // Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1991. С. 6–13.

Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923) // Russian Literature. 2016. № 83–84. С. 201–247.

Боровой А.А. Моя жизнь / Публ. С.В. Шумихина // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.

Гельперин Ю.М. Большаков Константин Аристархович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 308–309.

Мозалевский В.И. Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108.

References

Bogomolov N.A. Khodasevich v dnevnike I.N. Rozanova (1913–1923) [Khodasevich in Ivan Rozanov's diary (1913–1923)]. *Russian Literature*, 2016, no. 83–84, pp. 201–247. (In Russ.)

Bogomolov N. Konstantin Bol'shakov i voina. Prilozhenie 1 [Konstantin Bolshakov and the war. Appendix 1]. *Russkii avangard i voina* [Russian avant-garde and the war]. Belgrad, Belgrad University Philological Faculty Publ., 2014, pp. 97–102. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Predislovie [Introduction]. Bol'shakov K. *Begstvo plennykh, ili Istoriiia stradanii i gibeli poruchika Tenginskogo pekhotnogo polka Mikhaila Lermontova: Roman; Stikhotvoreniia* [Flight of prisoners, or the Story of suffering and death of the Tenginsky Infantry Regiment Lieutenant Mikhail Lermontov: Novel; Poems]. Moscow, Khudozhestvennaia literaturaPubl., 1991, pp. 6–13. (In Russ.)

Borovoi A.A. Moia zhizn' [My life], ed. S.V. Shumikhin. *Moskovskii zhurnal*, 2010, no. 10, pp. 20–40. (In Russ.)

Gel'perin Iu.M. Bol'shakov Konstantin Aristarkhovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. T. 1: A–G [Russian authors: Biographical dictionary. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 308–309. (In Russ.)

Mozalenskii V.I. Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie) [Paths, ways, encounters (conclusion)], ed. and notes A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 3 (13), pp. 71–108. (In Russ.)

Konstantin Bolshakov in military service: Revisiting the issue

© 2019, Nikolay Bogomolov

Abstract: The note provides a clarifying commentary on the final part of V.I. Mozalevsky's memoirs "Paths, ways, encounters". The commentary concerns the Russian poet and prose writer Konstantin Aristarkhovich Bolshakov (1895–1938) and the details associated with his entry into military service. On the basis of unpublished archival materials, in particular on letters to Sergey Bobrov and to Alexei Alekseevich Borovoy (1875–1935), the author clarifies a number of facts from Bolshakov's biography related to the period when, as it is traditionally stated in the research literature on the basis of Bolshakov's well-known autobiographies and his novel "Marshal of the 105th day", he left Moscow University and entered Nikolaev Cavalry School. The author establishes that in reality Bolshakov was sent to the Chuguev Military School (Kharkov Province), which he soon left. The first evidence of his stay in military service in the army, according to the investigations, the results of which are presented in the article, refers not to 1915, but to December 1916. Restoring the further biography of Bolshakov by correspondence, the author comes to the conclusion that significantly corrects the established reputation of "brave cavalryman", who entered the army only at the end of 1916, but continued to lead a predominantly civilian lifestyle away from the fronts.

Keywords: commentary, Viktor Mozalevsky, memoirs, Konstantin Bolshakov, military service

Information about the author: Nikolay Bogomolov, Dr Hab, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Citation: Bogomolov Nikolay. Konstantin Bolshakov in military service: Revisiting the issue. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 412–420. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-412-420